

ИСТОРИЯ В КАДРЕ

В скромной квартире кинорежиссера Леона Николаевича Саакова много книг, фотографий. Здесь все настраивает на спокойную беседу.

Сегодняшний разговор — о войне, о военных людях особой профессии, чьим оружием была съемочная камера — о фронтовых кинооператорах. Наша встреча не была случайной: Л. Сааков в годы войны был начальником отдела фронтовых киногрупп Центральной студии документальных фильмов и начальником киногруппы 1-го Белорусского фронта.

В 1946 году он вернулся на «Мосфильм»; но тема войны проходит через большинство поставленных им кинокартин. Мы помним его фильмы «На дорогах войны», «Последние залпы», «Весна на Одере», «Море в огне»...

Леон Николаевич говорит медленно, задумчиво. Рассказ его часто похож на запись кадров отснятой ленты — лента памяти удержала имена и дела людей, даты, факты, события...

Я хорошо помню оператора Георгия Хикояна и Владимира Сущинского в феврале 1944 г. Хикоян, маленький, с черными выщипанными волосами и печальными глазами, похожий на Чаплина, путаясь в длинной шинели, с трудом вытаскивая из вязкой грязи разбухшие в воде сапоги, снимал увешанных оружием разведчиков,

переправлявшихся на «немецкий берег» Сиваша.

Сущинский не дождал до Победы, он погиб в боях за Бреслау (теперь польский город Вроцлав), снимая действия штурмовой группы. Позже факты его биографии легли в основу моего фильма «На дорогах войны».

Я помню зыбкий Будапешт

1945 года, на улицах которого уже много дней и ночей шло ожесточенное сражение. И все эти дни и ночи становились историческими документами в пленках В. Беляева, молодого тогда оператора Л. Аристанкьянца...

Кровью, жизнями операторов кинохроники оплачены те миллионы метров пленки, которые мы отсняли пока пришли к своему последнему съемочному дню Великой Отечественной — 9 Мая 1945 года в Берлине. Эту знаменательную съемку вели Борис Дементьев, Роман Кармен, Михаил Посельский, Михаил Шнейдеров, я и многие другие.

Утром 9 мая мы стояли на бетонной площадке Темпельгофского аэродрома. Сюда для встречи представителей союзного командования прибыл наш генералитет во главе с Маршалом Советского Союза С. Соколовским.

В самый разгар съемок генерал, руководивший встречей, подвел двух наших операторов и меня к одиноко стоявшему, самолету, который охраняли автоматчики. Подкатили трап, и в дверях самолета, стибаясь, чтобы не зацепиться высокой тульей фуражки, появился главнокомандующий германскими вооруженными силами генерал-фельдмаршал Кейтель. Кейтель, генерал-полковник авиации Штумпф, адмирал флота Фридебург и их адъютанты спустились вниз и остановились шагах в пятнадцать от нас. Они не обращали внимания на присутствующих — аккуратные немцы приводили себя в порядок. Кейтель поправил свои многочисленные ордена, вставил в глаз монокль, шагнул вперед. Теперь он был на сцене!

Приложив маршальский жезл к козырьку, Кейтель отрекомендовался и представил

членов делегации. Потом направился к почетному караулу (по-видимому, он предполагал, что ему, хоть и побежденному фельдмаршалу, будут оказаны воинские почести). Немцев решительно остановили и препроводили в машины. В Карлхорсте, где в здании бывшего военно-инженерного училища должно было состояться подписание акта капитуляции, делегация разместилась в коттеджах. При выходе из здания училища (мы ходили смотреть условия освещения для съемки) меня и Ю. Райзмана встретил командующий 5-й ударной армией генерал-полковник Берзарин.

Генерал очень волновался.

— Знаете, мне боевую операцию легче провести, чем вот этим непривычным делом заниматься. — Он виновато улыбнулся, и обаятельная улыбка скрадывала суровость облика боевого генерала, прошедшего

фронтовыми дорогами до Берлина ратный путь и так велево погибшего в первые дни мира...

Мы с М. Посельским проникли в коттедж, где находились Кейтель и его свита. За дверьми был слышен негромкий разговор на немецком языке. Посельский, держа аппарат наготове, тихо открывает следующую дверь. У стола в глубоком кресле сидит Кейтель, мундир расстегнут, вид растерянный. Он углубился в чтение и не замечает нас. У окна, беседуя, стоят Штумпф и Фридебург. Когда Кейтель услышал треск аппарата, он мгновенно схватил свой маршальский жезл и принял, как ему, на верное, казалось, надлежащую позу для съемки. Эта сцена, снятая Посельским, вошла в картину «Берлин».

Наконец, в 0 часов 45 минут двери открылись, и в зал вошли представители Советского командования, а также генерал Снаатс (США), главный маршал авиации Теддер (Англия), генерал Делатр де Тасинья (Франция) и многочис-

ленная свита и целая толпа советских и иностранных корреспондентов. Началась съемка.

Еще не рассвело, когда специальный самолет с отснятым материалом вылетел в Москву.

Когда я утром пришел в штаб к генералу Берзарину, он, улыбаясь, кричал кому-то в трубку:

— Салют! 900 пушек, 300 залпов! На твою долю 300 пушек, — на минуточку прикрой трубку рукой, он, улыбаясь, спросил меня. — Я думаю, вам все ясно?..

Мне было ясно. Операторы собрались быстро, как на съемку боевой операции. Мне и И. Панову досталась главная точка у рейхстага, на магистрали «Ост-Вест». Стрелка приближалась к девяти. Было совершенно темно. Небо внезапно осветилось багровым заревом, и откуда-то издали донесся глубокий низкий грохот. В Берлине начался салют в честь окончания Великой Отечественной войны. Это была Победа. Это был Мир.

Рассказ записала
Ф. НАХШКАРЯН.